

КОНЦЕПЦИЯ ДОСТОЙНОГО ЧЕЛОВЕКА В СРЕДНЕВЕКОВОМ РЫЦАРСТВЕ И ЛЕГЕНДЫ О КОРОЛЕ АРТУРЕ

Лилит Меликсетян

Архетипы каждого народа принимают форму цивилизационного мифа, передаваемого исторической традицией из поколения в поколение, причем каждая эпоха высвечивает и развивает присущие только ей аспекты национальных архетипов, «отодвигая» остальные до поры на периферию мировоззренческих констант личности. Одним из устойчивых архетипов западноевропейской культуры является понятие «рыцарь», которое в англосаксонской культурной традиции прочно связано с рыцарями Круглого стола и королем Артуром.

В течение столетий рыцарство было жизненным идеалом средневекового общества, а рыцарский образ жизни и стиль поведения были важнейшим моральным эталоном средневековой аристократии. Однако архетип рыцарства перешагнул временные рамки Средневековья, став тем самым цивилизационным мифом, который является не только выражением метаморфозы исторического опыта людей, но и предвидением опыта будущего. Рыцарская этика не исчезла вслед за Средневековьем, она прошла через эпохи и продолжает оставаться примером для современных людей. Однако при попытке дать четкое и точное определение того, что значит быть рыцарем, какие именно правила и законы формируют рыцарский кодекс чести, мы сталкиваемся с определенной размытостью, вариативностью этого кодекса. Более того, выясняется, что многочисленные исследователи рыцарства затрудняются даже в точной датировке возникновения этого явления, связывая его не только со средневековой Европой, но и с гораздо более древними цивилизационными институтами (греко-римскими, иранскими, китайскими и т.д.) [1]. Однако независимо от исторических и географических истоков возникновения рыцарства, можно констатировать, что понятие «рыцарь» в европейской культуре эквивалентно понятию «достойный человек», и само это слово, помимо прямого значения (нем. *Ritter*, первоначальное значение – всад-

ник), приобрело и переносный смысл: самоотверженный, благородный человек, деятель на каком-либо поприще.

Как пишет известный французский медиевист Мишель Пастуро, «нужно признать, что о существовании настоящего рыцарского кодекса свидетельствует только литература¹. А всем известна дистанция между литературным образом и повседневной действительностью. Да и, наконец, правила этого кодекса не одинаковы в разных произведениях, и их дух существенно изменяется в течение всего века» [2]. Представляется, что именно осознание своей миссии в качестве носителей и защитников «легендарных», освященных традициями как христианства, так и дохристианской мифологии представлений о Добре и Зле и отсутствие жестко нормированных этических норм (с одновременным доминированием чрезвычайно разработанных норм этикета, культивированием и демонстрацией внешней картины высокого положения, незапятнанной чести и куртуазного обхождения), дают широкие возможности для ситуативного маневрирования наряду с закреплением за рыцарями «патента на благородство» и априорного права на утверждение своих представлений о добре и зле как на бытовом, так и на бытийном уровнях. Й.Хейзинга определяет основу рыцарского этикета и этики как *showing respect* (выказывание уважения), а единственным стремлением рыцарства – престиж своей группы, повышение ранга, превосходство над остальными [3, с. 75]. Этот вывод подтверждается текстами многочисленных рыцарских романов, герои которых не забывают сказать друг другу «Гранмерси» даже в пылу сражения. Вместе с тем он считает, что идея рыцарства, представление о войне как величественной игре чести и добродетели являются для культуры в период ее становления формирующим и облагораживающим фактором: «Нет сомнений в том, что этот идеал рыцарской чести, верности, доблести, самообладания и чувства долга весьма существенно развивал и облагораживал те культуры, которые его почитали. И хотя он находил свое выражение по большей части в фантазии или вымысле, тем не менее, он определенно способствовал воспитанию и общественному проявлению духовных сил личности и повышал ее нравственный уровень» [3, с. 100].

Изначально рыцари – воины, защищавшие Запад от язычников, готовые во имя спасения своего народа и веры пожертвовать собой. Одно это обеспечило им сакрализацию всего того, что бы они ни делали в дальнейшем. Сакральный характер носило и само проведение церемонии. Она начи-

¹ В настоящее время это «упущение» истории восполняют все, кому не лень. Например, на сайте <http://truemetal.org/holydragons/ruhd15.htm> можно найти «рыцарский Кодекс чести, разработанный специально для Рыцарей Круглого Стола», который «может быть применен и в «настолках» для Lawful персонажей».

налась с освящения оружия, которое затем «крестный отец» посвящаемого в рыцари вручал своему «крестнику»: сначала меч и шпоры, потом кольчугу и шлем, и, наконец, копьё и щит. При этом читались молитвы, произносилась клятва о соблюдении правил и обязанностей рыцарства. Одежда посвящаемого в рыцари, очередность ритуалов были жестко регламентированы, каждой детали, каждому действию, равно как и их последовательности придавалось чрезвычайно важное символическое значение¹. В ходе обряда посвящения в рыцари озвучивался и примерный кодекс чести рыцаря, состоявший из следующих правил:

- будь верен Богу, государю и подруге;
- будь медлителен в мести и наказании и быстр в пощаде и помощи вдовам и сирым;
- посещай обедню и подавай милостыню;
- чти женщин и не терпи злословия на них, потому что мужская честь, после Бога, нисходит от женщин².

Фактически, имело место переплетение христианской этики, культа благородной воинской жизни и идеала куртуазной любви. Однако, как отмечалось выше, кодекс рыцарской чести варьировался в разных источниках (преимущественно литературных), более того, со временем он усложнялся и дополнялся в соответствии с предпочтениями конкретного монарха или уставом конкретного рыцарского ордена. Писались уставы, трактаты и целые книги о тонкостях обряда посвящения и заповедях рыцарского кодекса чести. В более усложненном виде кодекс чести средневекового рыцаря выглядел следующим образом:

1. Рыцари обязаны бояться, почитать, служить, любить Бога искренно; сражаться всеми силами за веру и в защиту религии, умирать, но не отрекаться от христианства.
2. Они обязаны служить своему законному государю и защищать его и свое отечество.
3. Щит их да будет прибежищем слабого и угнетенного; мужество их да поддерживает везде и во всем правое дело того, кто к ним обратится.

¹Так, принятие ванны — символ нравственного очищения; облачение в белую рубаху — символ приближения к Богу; алая мантия — символ пролития крови в борьбе за Святую церковь; черная обувь — память о земле, из коей человек вышел и куда вернется; золотые шпоры — знак послушания Высшей воле; обоюдоострый меч — символ справедливости, поражения порока и зла.

²В беллетристическом «Ордене рыцарства» XIII века эти же правила приводятся в несколько иной редакции: «Никогда не идти заодно с изменниками; никогда не давать дурных советов даме или девушке, глубоко уважать и защищать их; благочестиво соблюдать посты и воздержания; ежедневно слушать обедню и одаривать монастыри».

4. Да не обидят они никогда никого и да убоятся более всего оскорблять злословием дружбу, непорочность, отсутствующих, скорбящих и бедных.
5. Жажда прибыли или благодарности, любовь к почестям, гордость и мщение да не руководят их поступками; но да будут они везде и во всем вдохновляемы честью и правдой.
6. Да повинуются они начальникам и полководцам, над ними поставленным; да живут они братски с себе равными, и гордость и сила их да не вообладают ими в ущерб прав ближнего.
7. Да не вступают они в неравный бой: несколько против одного, и да избегают они всякого обмана и лжи.
8. На турнирах и на других увеселительных боях да не употребят никогда острия меча в дело.
9. Честные блюстители данного слова, да не посрамят они никогда своего девственного и чистого доверия малейшею ложью; да сохранят они непоколебимо это доверие ко всем и особенно к своим сотоварищам, оберегая их честь и имущество в их отсутствие.
10. Да не положат оружия, пока не кончат предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было; да следуют они ему и денно, и ночью в течение года и одного дня.
11. Если во время следования начатого подвига кто-нибудь предупредит их, что они едут по пути, занятому разбойниками, или что необычайный зверь распространяет там ужас, или что дорога ведет в какое-нибудь губительное место, откуда путнику нет возврата, да не обращаются они вспять, но да продолжают путь свой даже и в таком случае, когда убедятся в неотвратимой опасности и неминуемой смерти, лишь была бы видна польза такого предприятия для их сограждан.
12. Да не принимают они титулов и наград от чужеземных государей, ибо это оскорбление отечеству.
13. Да сохраняют они под своим знаменем порядок и дисциплину между войсками, начальству их вверенными; да не допускают они разорения жатв и виноградников; да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха, который нанесет малейший вред кому бы то ни было на земле союзников.
14. Да блюдут они честно свое слово и обещание, данное победителю; взятые в плен в честном бою, да выплачивают они верно условленный выкуп, или да возвращаются по обещанию, в означенные день и час, в тюрьму, иначе они будут объявлены бесчестными и вероломными.
15. По возвращении ко двору государей, да отдадут они верный отчет о

своих похождениях, даже и тогда, когда этот отчет не послужит им в пользу, королю и начальникам под опасением исключения из рыцарства [4, с. 437-438].

Фактически, перед нами приведенная в систему благородная битва как идеал и форма жизненного уклада. Конечно, многие из этих правил выполнялись лишь на словах, но в целом само существование кодексов чести способствовало формированию «эго-концепции», основанной на героизации и идеализации образов рыцарей без страха и упрека, готовых умереть ради отечества, государя, веры или прекрасной дамы. Наиболее значимое влияние на формирование этой концепции оказали легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, отраженные в многочисленных памятниках средневековой литературы. Как писал М.Пастуро, «эта литература не просто развлекательная, но и в какой-то степени воинствующая: она стремится навязать свое видение мира и общества... давая о рыцарях представление одновременно и верное, и ложное, пристрастное к прошлому, враждебное к настоящему, провидческое к будущему» [2].

Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола формировались на протяжении нескольких веков, и хотя литературная традиция рыцарских романов развивалась прежде всего во франкоговорящей, романской Европе, куда входила и завоеванная норманнами Англия, для современного человека артурианский миф полностью интегрирован в англосаксонской культурной традиции. Более того, артуровский цикл является не столько легендарным, сколько квазиисторическим, и ученые до сих пор спорят о прототипах короля Артура и точном местонахождении Камелота [5]. Не вдаваясь в детали дискуссий о прототипах короля Артура, вкратце отметим их наиболее существенные аспекты.

Уже в 12 веке сосуществовали фольклорные и «ученые» версии преданий о короле Артуре, причем первые расценивались авторами последних как искажения, отклонения от истины. Ирония в том, что, по мнению ученых, историческим прототипом символа англосаксонской культурной традиции – короля Артура – был военный вождь (*dux bellorum*) одного из кельтских племен Арториус, упорно сражавшийся против англов и саксов и разгромивший последних в битве при Бадоне. Однако существует еще одна устойчивая традиция, связывающая имя Артура с Древнеримской империей, в частности с латинянином Луцием Арторием Кастой. «Христианский мир» Запада утвердился благодаря римской культуре, основанной на жесткой структуре социума, праве и рационализации, и англосаксонская имперская цивилиза-

ция во многом позиционировала себя как наследницу и правопреемницу Рима¹, именно поэтому в викторианскую эпоху многие исторические или легендарные личности, в том числе король Артур, объявлялись сыновьями римских военачальников [6, р. 90]. Однако задолго до викторианской эпохи, в 12 веке, когда молодой англо-норманской державе Плантагенетов необходимо было придать некоторую историческую представительность, Гальфрид Монмутский по заказу царствующего дома написал «Историю королей Британии» (ок. 1136г.), где, опираясь на латинские источники и домысливая их по своему усмотрению, проследил историю рода Энеева до его потомка Брута, якобы и давшего британцам их племенное имя. Затем история королей Британии доводилась у Гальфрида до короля Артура, который представлялся в качестве могучего завоевателя, правившего почти мировой империей. Однако через несколько веков имя короля Артура вновь будет использовано в политических целях, теперь уже против Плантагенетов. В 1485г. их трон был узурпирован Генрихом VII, учредившим новую династию Тюдоров. Новоиспеченная династия остро нуждалась во впечатляющем генеалогическом древе, превосходящем родословную Плантагенетов. Именно поэтому Томасу Мэлори был заказан роман о короле Артуре, который на этот раз объявлялся прямым предком Тюдоров, а название легендарной резиденции Артура весьма своеобразно «переводилось»: «город Камелот по-английски именуемый Винчестер» [7, с. 20].

Однако легенды о короле Артуре были востребованы не только и не столько из-за династических соображений. В Артурианском цикле представлены практически все доминанты рыцарской этики – Бог, идеальный государь и Прекрасная Дама. В романах и преданиях о рыцарях Круглого стола задавались высокие идеалы, формировалась концепция «достойного человека», на которую ориентировалось средневековое рыцарство и которая в конечном итоге определила своеобразие англосаксонского культурного архетипа, став одним из его основных «эго-символов», играющих основную роль в самоидентификации англосаксонской культурной традиции, «золотом зерне» романо-германского мира. Двор короля Артура представляется как средоточие идеального рыцарства. Создалась поэтическая фикция о том, что нельзя было сделаться совершенным рыцарем в смысле воинских подвигов и высокой любви, не послужив при дворе Артура, тем более, что «приятнее служить под началом такого сюзерена, который сам готов пуститься в приключения, как и его бедные рыцари» [7, с. 26]. Отсюда – паломничество всех героев к этому двору, а также включение в артуровский цикл сюжетов, пер-

¹ В этом контексте неизбежна параллель с концептом «Москва – третий Рим», требующая отдельного анализа.

воначально ему чуждых [8, с. 100].

Притом, что Римская католическая церковь в 1547г. на Трентском соборе объявила легенды о короле Артуре еретическими сочинениями [6, р. 16], Артуриана тесно переплетается с христианской агиографией, средневековая рыцарская этика не представима вне христианского вероучения. Более того, «...по всему вселенскому миру известно каждому, что всего на свете было девять лучших и достойнейших, и это: три язычника, три иудея и три мужа христианина... и из них первый – благородный Артур» [7, с. 5]. Даже на формальном «количественном» уровне проводится дерзкая параллель между Артуром и 12 рыцарями Круглого стола с Христом и его апостолами, а подобные «внешние» параллели подспудно предполагают и более глубокое содержательное соотношение¹. Более того, именно за рыцарями Круглого стола (и только за ними) признается право и способность найти и хранить ценнейший артефакт христианства – Грааль. Впервые тема Грааля появляется у Кретьена де Труа в романе «Персеваль, или Повесть о Граале», но там значение Грааля не вполне ясно, зато у Роберта де Борона [9] Грааль – величайшая христианская святыня, чаша, в которой хранилась кровь Христова и которую Иосиф Аримафейский вместе с единомышленниками увез в Британию, где основал общину хранителей Чаши². Характерно, что представление о Граале может меняться (это и чаша, и кубок, и драгоценный камень, и блюдо для рыбы, и нечто символическое, лишенное материального аналога), но достойными Грааля неизменно оказываются именно рыцари англосаксонского культурного ареала. В рыцарском романе очевидна и определенная моральная основа, противопоставляющая христианина-рыцаря «неверному» и дававшая рыцарю ощущение принадлежности к определенному моральному единству, к христианскому миру. При этом свои авантюрные подвиги рыцари совершают не ради общего, национального дела, как некоторые герои эпических поэм, не во имя чести или интересов рода, а ради личной славы [10, с. 549]. Знаменательно, что покровителем английских королей и англосаксонского рыцарства считался Святой Георгий, и потому они говорили сначала «*St. Georges*», но

¹ Конечно, можно вспомнить многие другие двенадцатеричные системы, например Одина, сидящего в окружении двенадцати богов-советников, Одиссея с его двенадцатью спутниками, Хрольфа и его двенадцать берсерков, или представляющие календарный год двенадцать частей вокруг космического квадрата в китайской традиции, однако представляется, что для англосаксонской протестантской культуры новозаветная аналогия более соприродна.

² Знаменательно, что автор самого знаменитого романа о Граале – Вольфрам фон Эшенбах, называет Граалем драгоценный камень, принесенный ангелами с неба, и подробно описывая устав и кодекс чести хранителей Грааля – тамплиеров, не называет точных географических координат замка, который с равным успехом мог находиться и во Франции, и в германских землях, что позднее отразилось в вагнеровских операх «Лоэнгрин» и «Парсифаль».

позднее девиз англосаксонского рыцарства приобрел другое, более значимое выражение: «*God and my right!*» («Бог и мое право!»).

Отважные рыцари короля Артура не только защищали слабых, но и постоянно утверждали свое достоинство, свою личную доблесть, свою индивидуальность. Они не забывали об установлении своих прав собственности на замки и земли поверженных врагов. Так, один из любимых рыцарей короля Артура – Оуэн, убив незнакомого рыцаря, стремится завладеть его замком и жениться на его вдове. При этом он принимает не только советы, но и ласки одной из придворных дам, в ожидании благосклонности хозяйки.

Знаменательно, что в этой мабиноге понятия о супружеской верности, канонах чести отступают перед соображениями пользы: «Видит Бог, – сказала Хозяйка, – **ты предлагаешь недоброе, но коль уж ты видишь в этом выгоду, растолкуй мне ее**¹» [11]. Нет необходимости напоминать и о далеко не рыцарском отношении Ланселота к своему сюзерену – королю Артуру, или о грехах самого Артура – все основные сюжетные коллизии Артурианы достаточно хорошо известны. В.И. Уколова во вступительной статье к книге Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства» отмечает: «Рыцарские идеалы отчасти противостояли этическим принципам, диктовавшимся христианством. Гордыня, провозглашенная церковью главнейшим из смертных грехов, считалась важнейшим достоинством рыцаря. Месть за оскорбление (нередко мнимое) была законом его этики, в которой не оказалось места для христианского всепрощения. Рыцари мало ценили человеческую жизнь, свою и особенно чужую. Они привыкли проливать кровь, и война казалась им естественным делом. Пренебрежение к чужой жизни усугублялось тем, что свой этический кодекс рыцари считали необходимым выполнять только в рамках своей социальной группы. По отношению к другим – крестьянам, горожанам, купцам и им подобным – не было и речи о каком-то «рыцарском» отношении, напротив, грубость, пренебрежение, даже грабеж в таком случае считались у рыцарей «хорошим тоном» [13]². Однако, несмотря на суть некоторых нерыцарственных поступков, рыцари в художественной традиции представляются исключительно «достойными людьми»: «Должны мы неизбежно либо отступить, либо погибнуть и, **если не отступим мы му-**

¹ Подчеркнуто нами.

² Характерно, что, говоря о проявлениях рыцарства в XX веке, Хейзинга приводит пример речи английского поэта Джона Раскина перед кадетами Вулиджа, в которой последний заявил, что человечество изначально делится на две расы: «одну – рабочих, и другую – игроков», то есть воинов, «горделиво праздных и поэтому постоянно нуждающихся в забавах, для которых они используют производящие и трудящиеся слои населения частью как скот, частью как марионеток или пешек в игре со смертью» [3, с. 100].

жественно и мудро¹, останется нам лишь смерть, – промолвил король Лот» [7, с. 16]. Знаменателен диалог между одним из героев артуровского цикла, юным Передуром, и его матерью, вдовой рыцаря Эвраука, при виде рыцарской кавалькады: «Мама, – спросил Передур, – кто это там? – Это ангелы, сын мой, – ответила она. <...> Передур вернулся к матери и сказал ей: – Мама, это не ангелы, а славные рыцари» [12].

Таким образом, благодаря достойному представлению «достойных людей» формируется англосаксонский культурный архетип, в основе которого, как нам кажется, лежит убежденность в собственном благородстве и превосходстве по отношению к остальному, «нерыцарскому» миру, а также представление о рыцарском долге, заключающемся в «спасении» или уничтожении варваров и еретиков во имя служения все тем же доминантам: Богу, государю, прекрасной даме и собственной чести.

Во второй половине XVв. в Европе начали активно применять порох, начался закат рыцарской идеологии и рыцарства: применение пороха привело и к изменению методов войны и к снижению роли конницы, и рыцарство перестало играть важную роль в жизни общества. Тогда же приходит в упадок и рыцарская идеология. Более того, она начинает пародироваться и высмеиваться. Однако, несмотря на то, что на определенном этапе истории артуровский миф оказывается не востребовавшимся, на смену «рыцарю» приходит «джентльмен» – образ, более созвучный ориентации преимущественно на материальные ценности и буржуазные правила «честной игры», артурианский культурный архетип обладает значительной витальностью, что вновь подтвердилось уже в современную эпоху, характеризующуюся использованием фразеологии и понятийной системы, присущих мабиногам о Камелоте, а также огромным интересом к жанру «фэнтези», ролевым играм в реальном и виртуальном пространствах, основанным на все том же артуровском цикле. Вероятно, подобная трансформация во временном пространстве присуща каждому мифу, когда-либо созданному социокультурной общностью, однако в отличие от других, влияние англосаксонского культурного архетипа, в частности его рыцарской составляющей, подпитывается мощной пропагандой, использующей самый широкий спектр средств и возможностей масс-медиа: «Средневековое христианское рыцарство известно нам главным образом как все еще искусственно сохраняемый в своем статусе, частично намеренно вновь возрождаемый элемент культуры» [3, с. 108]. В

¹ Подчеркнуто нами.

конечном итоге именно благодаря рыцарям Круглого стола «реальное влияние Англии как авангарда романо-германского мира на саму Европу и, шире, на весь мир и мировую историю, действительно, огромно» [14].

Источники и литература

1. *Ф.Кардини*. Истоки средневекового рыцарства. <http://tagbooks.narod.ru/Knights.htm>
2. *М.Пастуро*. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. <http://www.chronarda.ru/graal/library/lar-index.php>
3. *Й.Хейзинга*. Homo ludens, М., 1997.
4. *Г.Гриненко*. Хрестоматия по истории мировой культуры, М., 1999.
5. *Richard Barber*. King Arthur: in Legend and History, N.J., 1998.
6. *Laurence Gardner*. Realm of The Ring Lords, London, 2000.
7. *Т.Мэлори*. Смерть Артура. М., 1991.
8. *Алвин и Бринли Рис*. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М., 1999.
9. *Робер де Борон*. Роман о Граале, С.-Пб., 2000.
10. *Р.Самарин*. Рыцарский роман, в кн. История всемирной литературы, т.2. М., 1984.
11. Оуэн, или Хозяйка фонтана. <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/mabinogi/009.htm>
12. Мабиногион. Передур, сын Эвраука. <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/mabinogi/010.htm>
13. *В.Уколова*. Предисловие к книге Ф.Кардини «Истоки средневекового рыцарства». <http://tagbooks.narod.ru/Knights.htm>
14. *А.Дугин*. Русская вещь. http://finprof.narod.ru/paradigma4_o.htm